

A man with grey hair and a beard, wearing a grey suit, stands in profile on the left side of a dark green door. On the right side of the door, a ginger cat with a human-like face is dressed in a floral-patterned dress and a light green scarf. The cat is holding a small, round, reddish-brown bowl. The background features ornate, patterned wallpaper and a brass light fixture above the door.

Саша Игин

**Кухня без оценок
15: Варенье для
одинокого соседа**

Саша Игин

**Кухня без оценок 15: Варенье
для одинокого соседа**

«Автор»

2026

Игин С.

Кухня без оценок 15: Варенье для одинокого соседа / С. Игин —
«Автор», 2026

В доме, где лифт работает через раз, а тишина за стеной длится годами, поселяется новый сосед. Он не выходит, не здоровается и захлопывает дверь перед самым носом. Но бывший педагог Александр Николаевич знает: за любой отчуждённостью скрывается живая душа, которая просто разучилась доверять. Вместе со своей супругой Галкой, рыжим котом-разведчиком Боцманом и щеглом Профессором он решает пробить стену молчания. Старинный рецепт варенья из зелёных грецких орехов становится не просто кулинарным экспериментом, а языком доброй воли. Это история о том, как маленькая банка сладости может растопить лёд одиночества, как домашняя кухня превращается в педагогическую мастерскую, а незнакомец — в друга. «Варенье для одинокого соседа» — пятнадцатая, тёплая и уютная история цикла «Кухня без оценок» о терпении, доброте и медленном, но верном пути к человеческому сердцу. В книгу также включён авторский рецепт варенья.

© Игин С., 2026

© Автор, 2026

Саша Игин

Кухня без оценок 15: Варенье для одинокого соседа

Часть первая. Тишина за стеной

Глава 1. Пустая квартира

Долгое время квартира номер семь на втором этаже нашего дома пустовала. Я знал это даже без уведомлений от домоуправа — исключительно по запаху. Это особый, ни с чем не сравнимый запах запустения: когда дверь не открывают годами, из-под покрашенной масляной краской двери тянет спертой пылью, сухими обоями и забытой, ушедшей жизнью. Иногда, проходя мимо, я замедлял шаг, и мне начинало казаться, что я слышу шаги прежних жильцов: тяжёлые ботинки главы семейства, цокот каблучков его жены, детский топот. Но это была только память дома. Дом, как старый человек, помнит всё.

Лифт в нашем доме работал через раз — обычная история для пятиэтажек, построенных ещё в прошлом веке. На табличке до сих пор значился странный техосмотр девяносто восьмого года. Поэтому я часто спускался пешком: во-первых, так полезнее для моих старых коленей, а во-вторых, меньше шансов застрять между этажами, вспоминая молодость. И вот однажды, в середине мая, я, спускаясь с утренней прогулки с Боцманом, заметил, что дверь квартиры номер семь выглядит иначе. Замок блестел новым, ещё не притёртым металлом, а на потёртом, выцветшем до серости линолеуме у порога лежал коврик. Я даже не сразу понял, что это именно коврик: не половичок даже, а просто обрезок старого серого ковровина, аккуратно, почти педантично обшитый по краям суровой ниткой.

— Кто-то въехал, — сказал я Галке вечером, когда мы, по обыкновению, пили чай на кухне. За окном уже темнело, воробьи уgomонились, и только мой Профессор в клетке тихонько перебирал свои вечерние трели.

Галка отложила вязание. Она довязывала очередной носок для племянника в Саратове — вечно у неё эти носки расходились, словно мы их не на зиму, а на войну вязали.

— Давно пора, — сказала она, прихлёбывая из чашки с трещиной на ободке. — Два года пустовала. Мне уже казалось, что там никогда никто не поселится. Сначала, помнишь, цыгане присматривались? Потом какие-то молодые приходили, плевались на сантехнику и уходили.

— И сейчас непонятно кто. Может, приезжие. Или, наоборот, кто-то из наших, коренных, переехал из коммуналки.

Но в последующие дни я ни разу не услышал из-за той двери ни единого звука. Ни шагов, ни кашля, ни обрывков телевизора или радио. Тишина была такой плотной, физически осязаемой, что казалась почти осязаемой — как вата, засунутая в уши. Боцман, мой рыжий детектив, который всегда безошибочно знал, когда кто-то заселяется в подъезде — и спешил обнюхать щель, просунув свой влажный нос как можно глубже, — в этот раз несколько раз подходил к этой двери, долго и сосредоточенно вдыхал воздух, а затем отходил назад с явным выражением кошачьего недоумения на усатой морде.

— Там кто-то есть? — спросил я кота на третий день, когда мы снова стояли на лестничной клетке.

Кот фыркнул. Именно так фыркают породистые коты, когда чувствуют, что от них чего-то хотят, но объяснить логику мироздания они не в силах. Фыркнул и ушел наверх, к нашей двери, всем своим видом показывая: «Загадки не моя компетенция, ты уж сам разбирайся».

На четвёртый день я решился. Я постучал в дверь квартиры номер семь. Негромко, даже извиняясь. Костяшками пальцев, вежливый такой стук: «Тук-тук, я свой, если что». Никто не

открыл. Постучал ещё раз, чуть настойчивее. Тишина. Боцман стоял у моих ног и смотрел на дверь с таким напряжением, словно оттуда вот-вот должна была выскочить мышь.

— Может, там никого и нет, — предположила Галка позже, когда я вернулся на кухню и с досадой опустил на табурет.

— Коврик есть. Значит, кто-то есть. Коврики сами собой не заводятся.

— Может, положили и уехали. Бывает.

Я покачал головой. Нет, моё чутьё, обострённое годами работы с самыми закрытыми подростками, подсказывало иное. Там кто-то был. И этот кто-то очень не хотел, чтобы об этом знали.

Прошла неделя. Я по-прежнему ни разу не встретил нового соседа ни на лестнице, ни во дворе, ни у мусоропровода, который вонял, как и положено в мае. Но однажды, когда я выносил мусорное ведро (Галка настояла на выносе, потому что кожура от картошки начала издавать сомнительный аромат), дверь в седьмую квартиру была приоткрыта — буквально на два пальца. Я не из тех, кто подглядывает за чужими окнами и щелями, но человеческое любопытство, особенно на старости лет, берёт своё. Краем глаза я увидел в темноватом коридоре мужскую фигуру: старый человек в домашнем халате неопределённого цвета, сутулый, абсолютно седой, опирающийся на палку — не современную алюминиевую, а старую деревянную, с потёртой ручкой. Он заметил моё движение — или просто почувствовал чужой взгляд — и тут же, с поразительной для его возраста быстротой, захлопнул дверь. Даже не кашлянул. Даже не поздоровался.

— Вот так сосед, — сказал я Галке в тот вечер за ужином. Я наливал себе борщ, который она сварила утром.

Она нахмурилась, разглаживая вязание на коленях.

— Молчун.

— Может, он боится? Знаешь, бывают такие — фобии. Агорафобия, например. Или просто людей боится.

— Или просто не хочет общаться, — возразила Галка, всегда более прагматичная. — Есть такие люди — всю жизнь прожили в собственной тишине, как улитки в раковинах. А теперь, в старости, переезжают и ищут ту же тишину. Мы им мешаем.

— Но не до такой же степени, Галя. Он даже не взглянул на меня. Не кивнул. Не пожелал спокойной ночи. Я ему, между прочим, никто, а уже обидно.

Боцман, сидевший на подоконнике и следивший за вечерней мухой, перевёл взгляд с меня на Галку, потом на дверь — будто внимательно слушал и что-то для себя обдумывал. В его жёлтых глазах загорелся огонёк. Я знал этот огонёк. Это был огонёк кота, который решил взять расследование в свои лапы.

Глава 2. Разведка Боцмана

На следующее утро Боцман взял инициативу в свои пушистые руки. Я сидел на кухне, заваривал свой любимый индийский чай, тот самый, с слоном, и читал вчерашнюю газету. Галка ещё спала — она любила понежиться по утрам, особенно в выходные, хотя для пенсионеров понятие «выходные» давно потеряло смысл. И вдруг я услышал громкое, требовательное «мяу» из прихожей. Голос у Боцмана был такой, что я чуть не пролил кипяток.

Я пошёл посмотреть. Кот сидел у самой двери нашей квартиры, повернувшись мордой к выходу. Хвост трубой, уши торчком — боевая готовность номер один.

— Ты чего, братец? Гулять захотел? Не в такую рань, погоди, я чай допью.

Но Боцман не слушал. Он посмотрел на меня с коротким, почти обиженным «мрряу», затем подошёл к входной двери и начал настойчиво царапать когтями низ, там, где краска уже облупилась.

— Ладно, — сдался я. — Пойдём, разведчик.

Я открыл дверь, ожидая, что он сломя голову побежит вниз по лестнице, к выходу на улицу. Но Боцман, к моему удивлению, действовал иначе. Он неторопливо, с истинно кошачьим достоинством, будто король, обходящий свои владения, спустился на один пролёт — на второй этаж — и уселся прямо у двери квартиры номер семь. Я подошёл следом, стараясь ступать бесшумно.

Кот сидел идеально ровно, выпрямившись, положив лапы перед собой, и смотрел на дверь. Минуту. Две. Пять. Я уже хотел позвать его обратно, когда он издал долгое, протяжное, очень жалобное «мяууу». Это было совсем не похоже на его обычные требования еды или внимания — в этом звуке была какая-то тоска, почти мольба.

Из-за двери — ни звука. Ни шороха, ни вздоха.

Боцман посидел ещё немного, потом тяжело вздохнул (по-человечески тяжко), встал, отряхнулся всем телом и, не глядя на меня, направился обратно к лестнице.

В тот вечер история повторилась с точностью до мельчайших деталей. Боцман увязался за мной, когда я пошёл проветриться перед сном, сходил к той же двери, посидел, жалобно мяукнул и вернулся. Я заметил, что уходя, он на секунду буквально прижался ухом к дверной щели — замер, как локатор, а потом дёрнул ухом и ушёл.

— Кот что-то чует, — сказала Галка, когда я описал ей эту картину. Она уже лежала в постели с книгой, поверх очков поглядывая на меня.

— Он всегда всё чует, — ответил я, раздеваясь. — Ты знаешь, как он меня разбудил, когда то самое письмо от тебя пришло? Сидел у двери и орал так, будто пожар. А я ещё думал: телеграмма с грустными новостями. Ан нет — любовь пришла.

— И теперь то же самое? Любовь? — усмехнулась Галка.

— Похоже. Только теперь кошачья симпатия к незнакомому старику.

Профессор в клетке, который обычно к вечеру затихал и дремал, вдруг начал петь. Негромко, но очень настойчиво, и не обычные свои радостные трели, а какую-то странную, заунывную, протяжную песню, больше похожую на призыв или на стон. Я подошёл к клетке, щегол уставился на меня блестящим чёрным глазом-бусинкой — и замолк.

— Что с тобой, Профессор? Ты чего распелся?

Птица снова запела. И теперь это была не мелодия, а почти точная, до жути реалистичная имитация кошачьего мяуканья. Но более высокого тона, почти жалобного, истеричного.

— Он передразнивает Боцмана, — догадалась Галка, откладывая книгу. — Или подпевает ему. У них там дуэт на расстоянии.

Мы подошли к окну, выходящему во двор. Был уже поздний вечер, почти ночь. В комнате соседа горел тусклый, желтоватый свет — лампа под старым зелёным абажуром, какие были в моде лет сорок-пятьдесят назад, в нашем детстве. Занавески на окне были плотно задёрнуты, но я всё же разглядел силуэт: мужчина сидел абсолютно неподвижно в кресле с высокой спинкой, лицом к окну, но смотрел он при этом словно в никуда, не замечая ни двора, ни огней, ни звёзд.

— Он там совсем один, — сказал я тихо, будто он мог меня услышать.

— И не выходит. Ни к кому.

— И не хочет, чтобы к нему выходили. Пока не хочет.

Глава 3. Решение

Мы сидели на кухне на следующее утро. Воскресенье, солнце уже прогрело асфальт за окном, дворовые воробьи купались в луже. Я смотрел в кружку с остывшим кофе, но видел перед собой тусклый свет под зелёным абажуром.

— Надо с ним знакомиться, — сказал я решительно, ставя кружку на стол.

— Как? — Галка подняла бровь. — Он же не открывает. Ты сам говорил — постучал, молчок. Кот мяукает — молчок.

— Варенье сварим. Зелёных орехов. И отнесём ему под дверь. Как посылку.

Галка отложила своё бесконечное вязание и посмотрела на меня с тем сложным выражением, которое я выучил за все наши совместные годы: смесь лёгкого удивления, глубокой нежности и снисходительности взрослой женщины к чудачествам пожилого мужа.

— Саша, ты подумал? А что, если он диабетик? Если ему вообще сладкое нельзя? Если у него аллергия на орехи, в конце концов? Орехи — сильный аллерген.

— Тогда он подарит варенье соседке снизу, со второго подъезда, — парировал я. — Та любит сладкое. Или выбросит в мусоропровод. Но попробовать, Галя, стоит. Варенье — это язык. Язык доброй воли.

— Ты безнадежен, Саша, — она покачала головой, но в глазах уже не было сомнения. — Ты готов варить сложнейшее варенье из зелёных орехов для человека, который даже «здрасьте» тебе не сказал.

— Я педагог, — напомнил я. — Я привык к самым трудным, запущенным ученикам. Он просто ещё не понял, что мы здесь, за этой стеной, не враги. Он как мальчишка, который забился в угол и боится выйти.

— А кот? — спросила Галка, кивая на Ботмана, который уже сидел у своих пустых мисок и с невинным видом наострил уши. — Кот в этой твоей педагогической схеме кто?

— Кот уже всё понял. Он его старший разведчик и агент влияния.

— А птица?

Профессор, будто услышав, что речь идёт о нём, издал короткую, отрывистую трель — «пиу-тррр!» — будто подтверждая мою мысль.

Галка тяжело вздохнула (это был фирменный вздох капитуляции), подошла к отрывному календарю на стене, где был изображён тигр в лесу, и задумчиво постучала пальцем по сегодняшней дате.

— Зелёные орехи сейчас? — переспросила она. — В конце мая? Саша, они же ещё совсем маленькие. Как зелёный горошек, твёрдые. Молочной спеси нет никакой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.